

УДК 316.4.057.4

DOI: 10.18324/2224-1833-2023-1-175-179

Опыт деинституционализации социального сиротства на примере Красноярского края

Л.Ю. Анисимова^a, М.Д. Северьянов^b, В.И. Рузанов^c

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 82, Красноярск, Россия

^a severyanova@mail.ru, ^b severyanov-vanya@mail.ru, ^c ruvich@yandex.ru

Статья поступила 15.03.2023, принята 17.03.2023

В статье анализируется опыт деинституционализации социального сиротства в Красноярском крае с 2015 по 2021 гг. Показано сокращение государственных учреждений, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Выявляются риски деинституционализации в регионе. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на официальное проnatalистское провозглашение приоритета семьи, система социальной защиты детей использует минималистский подход, который был внедрен в 1990-е гг. Государство реализует превентивные смягчающие меры, а именно поиск альтернативных мест проживания для детей, но не устраняет причины проблемы, в том числе социальные вызовы.

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; интернатные учреждения; деинституционализация; социальное сиротство.

Experience in the deinstitutionalization of social orphanhood in the Krasnoyarsk territory

L.Yu. Anisimova^a, M.D. Severyanov^b, V.I. Ruzanov^c

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^a severyanova@mail.ru, ^b severyanov-vanya@mail.ru, ^c ruvich@yandex.ru

Received 15.03.2023, accepted 17.03.2023

The article analyzes the experience of deinstitutionalization of social orphanhood in the Krasnoyarsk territory from 2015 to 2021. It shows the reduction in the number of state institutions that provide social services to orphans and children left without parental care. The risks of deinstitutionalization in the region are revealed. The authors conclude that despite the official pro-natalist proclamation of the priority of the family, the system of social protection for children uses a minimalist approach, which was introduced in the 1990s. The state implements preventive, mitigating measures, namely the search for alternative placements for children, but does not address the causes of the problem, namely social challenges.

Keywords: orphans and children left without parental care; residential institutions; deinstitutionalization; social orphanhood.

После распада Союза ССР, в условиях экономической и политической нестабильности, социальное сиротство приобрело национальные масштабы. В России произошли серьезные преобразования, напрямую влияющие на причины роста этого явления, а также на необходимость изменений в системе защиты детей-сирот.

Забота о детях-сиротах осуществлялась в соответствии с устоявшейся традицией институционального попечения о детях. В 1992 г., по данным статистики, общее количество детей-сирот в стране составляло 426 тыс., в 1999 г. их количество уве-

личилось до 636,9 тыс. [1]. 81 % детей, признанных оставшимися без попечения родителей, ежегодно помещались в семьи.

Институционализация детей-сирот началась после Октябрьской революции и Второй мировой войны. На протяжении большей части XX в. советская идеология пропагандировала институциональное воспитание. В середине 1960-х гг. одной из задач советского государства стало освобождение детей от невежественного влияния родителей через социальное воспитание, т. е. детские дома.

Институциональная, или коллективная забота о детях в Советском Союзе формировалась на основе марксистского понимания человеческой психики, в рамках которого возникла концепция «социализации эмоций» (использование когнитивных способностей с целью управления, контроля или манипулирования эмоциями). Сотрудники детских домов следовали строго регламентированной программе эмоциональной социализации, чтобы привить детям такие «советские» черты, как самоотверженность, находчивость и идеологическая преданность, необходимые для воспитания достойных граждан. Коллективизм отражал идею о том, что детские дома — идеальное место для проведения экспериментов по вытеснению семейной власти государственной. Коллективизм трактовался как требование беспрекословного подчинения авторитету и доминирование групповых интересов. В годы перестройки этот термин был переосмыслен и стал обозначать способность осознавать потребности других и приносить пользу.

Сотрудники советских детских домов опирались на эволюционные теории развития ранних советских психологов и представление о том, что привязанность является рефлексией, а не отражением взаимной эмоциональной связи между ребенком и воспитателем. Западные парадигмы теории привязанности рассматривались как тривиальные, противоречащие советским идеалам. Подразумевалось, что привязанность не формируется из серии отношений, создавая внутренние паттерны, используемые детьми для общения с другими людьми на протяжении всей жизни. Лиминальная природа детей оправдывала особую форму привязанности, называемую в детских домах «ужесточенной привязанностью» [2, p. 89]. Человеческие отношения понимались не как биологически или культурно детерминированные, а как социально обусловленные. Философия «ужесточенной» привязанности характеризовалась безответными формами поведения, учила детей быть находчивыми, таким образом увеличивая их шансы на выживание в сложных ситуациях [2, p. 89]. Кроме того, институциональный уход связан с ограниченными возможностями формирования устойчивой привязанности, которая позволяет детям развивать чувство безопасности.

В отечественных и зарубежных исследованиях психологов и педагогов институциональная система неоднократно критиковалась за ее долгосрочные и порой необратимые последствия для физического, интеллектуального и социально-эмоционального развития детей.

Учреждения для детей-сирот руководствовались «специфическими социокультурными нормами, демонстрировали властные отношения и жесткие паттерны надзора» [3]. Дети, выросшие в интернатных уч-

реждениях, часто подвергаются стигматизации и, став взрослыми, сталкиваются с огромными трудностями при интеграции в общество (готовность к самостоятельной жизни, личностное и профессиональное самоопределение и др.). Институционализация связана с отношением общества к сиротам, широко распространенным среди россиян убеждением, что сирот в российском обществе практически «не существует». Сегодня к факторам, сохраняющим институциональную систему, исследователи относят уровень социально-экономического положения населения, рост семейного неблагополучия, неэффективность социальной поддержки социально уязвимых семей, разрушение их воспитательного потенциала [4, с. 133].

Институциональный уход в России сохраняется дольше, чем в некоторых европейских странах. В середине XX в. в США и странах Западной Европы возникла тенденция к деинституционализации, по мнению авторов, во многом под влиянием исследований (в том числе Рене Шпица и Джона Боулби), подтверждающих негативное влияние институционального ухода на развитие детей. Некоторые страны (Сербия, Болгария, Хорватия, Румыния и др.) достигли прогресса в деинституционализации, когда сотни детских учреждений были ликвидированы и заменены семейными альтернативными формами ухода (центры семейного типа). Многие государства до сих пор не считают оправданным полный переход к деинституционализации. На практике реструктуризация учреждений идет быстрее, чем создание эффективной альтернативной системы, требующей высокого качества ухода и государственного надзора. *Rakan Zahda* утверждает, что любая альтернативная форма ухода, которая нарушает права детей и не обеспечивает качественный уход, представляет собой институционализацию детей [5, p. 32].

Изменившиеся приоритеты социальной политики и требования современной эпохи определили характер и эволюцию законодательства в отношении защиты прав детей. Национальное законодательство приведено в соответствие с международными стандартами (включая Руководящие принципы ООН по альтернативному уходу за детьми). С начала 1990-х гг. в России принято более 200 нормативных правовых актов в области прав ребенка. Семейный кодекс Российской Федерации (1995) отмечает возможность временной передачи ребенка на государственное попечение. Широко распространена практика продления пребывания детей в детских домах. Таким образом, родители отказываются от своих детей не формально, а фактически. Следует отметить, что эти дети не имеют статуса социальных сирот, несмотря на то, что большую часть своего детства они проводят на го-

сударственном обеспечении. Семейные альтернативы для них невозможны до тех пор, пока их родители официально сохраняют родительские права. Как только ребенок, так или иначе, изъят, необходимо решить, что делать дальше, способствовать ли возвращению ребенка в его биологическую семью или найти альтернативу.

В начале 2000-х гг. многие из тех, кто с оптимизмом смотрел на масштабные изменения, с цинизмом оценивали способность правительства остановить волну сиротства и ликвидировать детские дома. Например, Национальный план деинституционализации Кыргызской Республики пока не увенчался успехом, что привело к непредвиденным последствиям и неблагоприятным результатам для некоторых из наиболее уязвимых детей [6, р. 36].

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи предполагает реализацию ключевых принципов государственной политики: предотвращение социального сиротства, жестокого обращения с детьми и семейного неблагополучия; оказание помощи уязвимым семьям и реинтеграция детей в кровные семьи. Федеральное правительство делегировало ответственность за защиту прав детей и их законных интересов органам местного самоуправления. Согласно Закону об образовании (2013), в некоторых российских регионах детские дома были переданы из ведения Департамента образования в ведение Департамента социальной защиты населения. В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. были сформулированы ключевые альтернативы интернатным учреждениям, основные положения стратегии деинституционализации.

Деинституционализация — процесс, направленный на предотвращение попадания детей в учреждения, реструктуризацию существующих учреждений или их закрытие, развитие альтернативных форм жизнеустройства детей-сирот, реинтеграцию детей в кровные семьи, тем самым предотвращая их растворение в социальном вакууме детских учреждений. Детские дома были преобразованы в «центры поддержки семьи», основной задачей которых стало возвращение детей в биологические семьи или передача их в приемные семьи. Изменения носят в основном формальный характер и не ведут к фундаментальной перестройке системы.

Совершенствование российской системы защиты детей включает сокращение численности детей на учете в федеральном (региональном) банке данных о детях-сиротах; сокращение числа детей, выявленных как оставшиеся без попечения родителей; развитие альтернативных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей; формирование индивидуальной и гибкой системы

ухода за детьми, разработка и применение соответствующих стандартов; сопровождение выпускников интернатных учреждений в целях успешной социальной и профессиональной адаптации.

С 2015 г. взят четкий курс на сокращение интернатных учреждений и числа детей, которые ежегодно определяются как оставшиеся без попечения родителей.

Приведем результаты реализации деинституционализации сиротства в Красноярском крае за 2015–2022 гг. Изменилась демография социального сиротства. В регионе в 2015–2022 гг. доля детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения снизилась с 2,6 до 2,2 % соответственно [7, с. 164]. Эти цифры не могут свидетельствовать «о качестве работы социальных служб, поскольку сам факт того, что дети идентифицируются как социальные сироты, является негативным результатом работы этих служб» [8, с. 69].

В регионе наблюдается тенденция к снижению рождаемости (41 198 тыс. детей в 2015 г. [7, с. 35], 28 515 тыс. в 2021 г. [9, с. 37]; 26 401 тыс. детей в 2022 г. [10]). Численность детского населения сократилась с 863 096 [11, с. 20], детей в 1998 г. до 602 844 [7, с. 35] в 2015 г., затем наметилась тенденция к росту до 631 649 детей в 2022 г. [12].

Следует отметить, что фактическое число детей, оставшихся без попечения родителей, невозможно точно оценить. При этом 80–90 % детей являются социальными сиротами. Информация, предоставляемая экспертами, часто не совпадает с имеющейся государственной статистикой [4, с. 125]. Сокращается число детей, находящихся на учете в региональном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, с 3 090 детей в 2015 г. до 1 853 в 2021 г. [13]. Численность выявленных детей-сирот сокращается (2 210 в 2015 г.; 1 533 в 2021 г.) [13], большая часть из них устроена в замещающие семьи (79,7 % в 2015 г. и 86,4 % в 2021 г. [9, с. 164]. Замещающая семья в некоторых случаях выступает формой материальных отношений, поскольку получает финансовую поддержку от местных органов власти.

Авторы согласны с мнением Н.М. Быкова и А.Н. Щербаковой, что «проблема детей-сирот не может быть решена простым помещением их в семьи» [14, с. 5]. Риски, связанные со всеми формами альтернативного устройства, часто недооцениваются. У детей, находящихся под опекой, могут развиваться поведенческие, когнитивные и эмоциональные проблемы в большей степени, чем у детей из биологических семей или семей «группы риска». Поэтому случаи возврата детей (до 100 в год) свидетельствуют о психологической неготовности приемных родителей, о недостаточном внимании к вопросам сопровождения заме-

щающих семей. В системе сопровождения замещающих семей должным образом функционируют лишь отдельные элементы. Другая причина возвращения детей в государственные учреждения заключается в том, что дети привыкают к жизни в стенах учреждения и с трудом адаптируются к другим условиям. Таким образом, это говорит о том, что существует множество проблем, связанных с тем, как обеспечить детей, оставшихся без попечения родителей, соответствующим альтернативным местом жительства.

В Красноярском крае в 2017 г. количество детских домов составляло 30 учреждений (в них 2 224 ребенка), в том числе один негосударственный, а общее количество организаций для детей, оставшихся без попечения родителей – 39 [15, с. 132], тогда как в 2022 г. количество детских домов сократилось до 25 (в них 1 473 ребенка), а общее количество организаций – 34 [9, с. 169]. В большинстве случаев воспитанники определяются под опеку (попечительство), в приемные семьи. Такая ситуация остается стабильной в течение нескольких лет. Так, на 01.01.2021 г. в детских домах края находился 1 271 воспитанник, из них выбыло 674 человека: в образовательные учреждения высшего профессионального образования устроено 2 чел., в образовательные учреждения среднего профессионального образования – 121, на работу – 6, в другие детские дома переведено 46 детей, переданы под опеку 257 и в приемные семьи – 169 чел. [16].

Домов ребенка (от 0 до 4 лет) по краю насчитывается пять, и это число остается неизменным. В 2017 г. в домах ребенка было временно размещено 103 ребенка, в 2020 г. – 298 [17, с. 130], в 2022 г. – 282 ребенка [9, с. 170].

В 2016 г. из всех работников детских домов (2 041 чел.) высшую квалификационную категорию имело 102 чел., в 2021 г. (1 775 чел.) – 104 работника, первую категорию – 359 и 278 соответственно, не имело категорий – 1 569 и 1 393 чел. соответственно. Из них: педагогических работников в 2016 г. – 823 чел., в 2021 г. – 728 чел., воспитателей – 512 и 476 соответственно, обслуживающего персонала – 856 и 663 чел. [16]. Таким образом, примерно 76,8 % персонала детских домов не имеют соответствующей квалификационной категории для работы с детьми.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 07.02.2023).
2. Stryker. R. Emotion Socialization and Attachment in Russian Children's Homes. *Global Studies of Childhood*. 2012. V. 2. № 2. P. 85-96. URL: <http://dx.doi.org/10.2304/gsch.2012.2.2.85> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Disney T. Complex spaces of orphan care - a Russian therapeutic children's community, *Children's Geographies*. 2015. V. 13. № 1. P. 30-43. URL: <https://doi.org/10.1080/14733285.2013.827874> (дата обращения: 20.03.2023).
4. Тарасенко А.В. Региональные особенности реформы сиротских учреждений в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 21 (3). С. 115-139.

В детских домах края функционируют службы постинтернатного сопровождения выпускников. Один из показателей эффективности работы служб – успешная социальная интеграция в общество лиц в возрасте от 18 лет и старше. Выпускников детских домов отличает неспособность конструктивно планировать свою жизнь, они чувствуют себя отчужденными от остального общества и не имеют мотивации к труду, не видя смысла работать и платить за то, что раньше всегда автоматически получали от государства. Они оказываются беспомощными перед лицом социально-экономических потрясений и нуждаются в поддержке. Поэтому мы считаем, что выпускники детских домов при их переходе к самостоятельной жизни должны получать помощь и поддержку столько, сколько необходимо.

В Красноярском крае апробируются системы тьюторства, наставничества для детей-сирот. По данным федеральной статистики, численность педагогических работников детских домов региона в должности тьютора насчитывает всего 6 чел. [16]. В целом процесс деинституционализации в крае идет медленно, сложно и зависит от координации финансовых и идеологических факторов.

В заключение отметим, что на решение задач преодоления последствий социального сиротства тратятся большие ресурсы, поэтому необходимо в первую очередь работать в направлении преодоления его первопричин, а именно с биологической семьей. Основное внимание должно уделяться превентивным мерам, предотвращению распада семьи. На данный момент ранняя профилактическая работа с кровными семьями выполняется чрезвычайно неудовлетворительно. Родители, которые сталкиваются с различными трудностями, часто невидимы для системы, если они сами не обращаются за помощью. Прежде чем закрывать учреждения, необходимо обеспечить широкий спектр высококачественных услуг и альтернативных решений по уходу. Мы считаем, что региональные программы должны учитывать факторы, способствующие процессу деинституализации, разрабатывать стандарты, определяющие качество ухода для каждого альтернативного размещения.

5. Zahda R. Deinstitutionalization of the child as an approach to secure a family life: Is it the placement? master's thesis, E.MA, the Global Campus of Human Rights, Venice, Italy. 2018/2019. 69 p.
6. Nordin A. Towards a Brighter Future for Institutionalised Children? A Case Study of De-Institutionalisation of Childcare in Kyrgyzstan, Masters thesis, Lund University, Master of Science in International Development and Management, May 2015. at 8. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=5422188&fileId=5422189> (дата обращения: 14.02. 2023).
7. О соблюдении прав и законных интересов детей в Красноярском крае в 2020 году. Красноярск, 2021. 225 с.
8. Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Формирование российской модели преодоления социального сиротства // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 67-82.
9. О соблюдении прав и законных интересов детей в Красноярском крае в 2021 году. Красноярск, 2022. 215 с.
10. Енисей новости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.enisey.tv/news/post-50528/> (дата обращения: 14.02.2023).
11. О соблюдении прав и законных интересов детей в Красноярском крае в 2014 году. Красноярск, 2015. 110 с.
12. Красноярскстат [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (дата обращения: 10.02.2023).
13. Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: данные формы федер. стат. наблюдения № 103-РИК [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/136126e649bb57c304f7d7263eb90445/> (дата обращения: 10.02.2023).
14. Байков Н.М., Щербакова А.Н. Деинституционализация социального сиротства в региональном измерении // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4. С.1-10.
15. О соблюдении прав и законных интересов детей в Красноярском крае в 2017 году. Красноярск, 2018. 186 с.
16. Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения Д-13 за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/136126e649bb57c304f7d7263eb90445/> (дата обращения: 10.02.2023).
17. О соблюдении прав и законных интересов детей в Красноярском крае в 2019 году. Красноярск, 2020. 164 с.